

ИГОРЬ КОЛОСОВ

ВЫЖИВШИЕ ХОТЯТ СПАТЬ

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Разработка серийного оформления
Владимира Безкровного

Колосов, Игорь Анатольевич.

К61 Выжившие хотят спать / Игорь Колосов. — Москва : Эксмо, 2023. — 544 с. — (Кинофантастика).

ISBN 978-5-04-160876-7

После Великого Холода, который Иван и Ева пережили с группой людей под землей, они идут в никуда. Цивилизация рухнула, человек не может спать один и умирает, если его кто-то не разбудит. Одиночки изматывают себя, борются со сном, превращаются в бессознательных опасных шагунов. Люди не могут подолгу оставаться на одном месте и вынуждены перемещаться, по их следам идут банды, захватывающие рабов, и крысы с одичавшими собаками. Иван и Ева замечают странные знаки, это начинает их беспокоить. Куда ведут знаки: к спасению или в ловушку?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колосов И.А., текст, 2023

© Оформление. ООО

«Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-160876-7

В сумрачном подземелье с огарками свечей десятки людей лежат вповалку. Некоторые мертвы. Большинство спит, но сон глубок — от него до смерти ближе, чем до пробуждения. Два тусклых, слабеющих фонаря освещают теплую одежду темных тонов. Тихое дыхание. Стоны. Бормотание. Эти звуки бессильны против тишины кладбища.

Один из спящих вскрикивает во сне, дергается. Переворачивается на другой бок. Его вскинутая правая рука по инерции опускается на лицо соседа. Хлесткий звук удара. Сосед дергается.

И просыпается. Из носа медленно течет кровь. Он садится, смотрит вокруг, в глазах отражаются страх и недоумение. Он замечает у себя кровь, но это не имеет значения среди неподвижных тел. Он трясет лежащую рядом молодую женщину, затем ближайших соседей. Всех подряд. Женщина просыпается медленно, не сразу понимает, где она. За ней просыпаются еще несколько человек.

Встают не все, несмотря на тряску. Мужчина задерживает на их телах руку. Так и есть — холодная, окоченевшая плоть. Умерли? Во сне? От чего? Он не говорит ни слова другим, как будто звук голоса станет

катализатором нового несчастья, он просто показывает проснувшимся на тех, кто уснул навеки, и они понимают его без слов.

Непродолжительная заминка заканчивается суетой: небольшая группа будит остальных — вырывает из когтей смерти как можно большее количество народу. Большинство просыпается с трудом.

Дети плачут. Матери укачивают их, успокаивают без слов. Что-то говорить — тратить энергию, а сколько им еще терпеть, не знает никто. Выжившие смотрят друг другу в глаза, и это похоже на чтение мелкого шрифта: нужно напрягаться, хочется отвернуться. Но читать приходится, и смысл становится понятен.

Каждый из них понимает: им нужно как можно больше спать, это основа надежды на выживание, но с этого момента кто-то обязательно должен бодрствовать.

Иначе никто никогда не проснется.

1

Знак

Он смотрел, как она вздрагивает во сне, внутри его сжигала тоска.

Прежний мир больше не существовал, остался лишь его призрак, враждебный, дурно пахнущий. Как и остальные выжившие, они превратились в перекасти-поле, и впереди их ждала постоянная, изматывающая игра в прятки со смертью. Вопрос был лишь в том, насколько у них хватит сил?

Иван погладил спящую Еву по лицу, поднялся с колен, выглянул из окна. Они остановились в очень удобном месте, из-за чего он неосознанно ждал неприятностей. Продуктовый магазин, полный консервов, казался крошечным раем. Но разве рай находится посреди ада? Что-то Иван упустил, и они скоро уйдут отсюда. Даже ночевать не останутся.

Из окна просматривались перекресток и противоположная сторона улицы. Ряд полуразрушенных катаклизмами, временем и выжившими людьми зданий. Тихо. Даже крыс не слышно. Странно, что в здании нет помета этих тварей. До сих пор не добрались? Разве есть такие места?

Ивану померещилось движение на улице, он прижался щекой к стеклу.

По улице кто-то двигался. Шатун! На последней стадии, едва переставляющий ноги, он брел, спотыкаясь,

вскидывал голову, но сомнений не возникало — обречен. Еще немного, и он заснет на ходу. Заснет, чтобы уже никогда не проснуться.

Ева застонала во сне. Иван покосился на нее, затем проводил взглядом шатуна.

Через несколько минут появился еще один. На этот раз женщина средних лет: одета тепло, несмотря на летнюю погоду. Похоже, она борется давно. Ева снова застонала. Как будто шатуны мешают ее сну.

Иван отвернулся, посмотрел на Еву. Захотелось прижаться к ней и поблагодарить за то, что она есть. Господь, если это Он наслал Великую Катастрофу, наконец-то отыскал средство, чтобы мужчина и женщина ценили друг друга. В нынешние времена человек не мог выжить один. Люди не просыпаются самостоятельно. Только вмешательство извне вытаскивало из состояния, которое плавно переходило в смерть. Сон — брат смерти? Чье это изречение? Китайское? Теперь, если хочешь жить, спать можно только по очереди. Если есть с кем. В противном случае не помогут ни воля, ни шумовое устройство, ни падающий тяжелый предмет, ни льющаяся на голову вода. Только человек мог разбудить человека. Лишь телесный контакт с другим живым существом способен извлечь сознание спящего на поверхность.

Мимо магазина проковылял очередной шатун — молодой мужчина. Многовато их в одном месте. Ивану это не понравилось, желание убраться из магазина окрепло. На последнем издыхании шатуны становятся агрессивными, и, если их много, это может быть по-настоящему опасным. Перед кончиной у них обостряются все чувства.

Иван хотел выйти, убедиться, что шатуны скрылись из виду, сонливость вынудила его переменить решение. Лучше не рисковать. Он разбудил Еву. Иван тормозил ее несколько минут — она мало поспала, сон отпустил ее неохотно.

Он передал ей старые, до сих пор идущие часы, постучал по циферблату.

— Мне нужно поспать. Один час. Слышишь, Ева?

— Час?

— Да. Мы уйдем отсюда. На ночь здесь лучше не оставаться.

Она хотела что-то спросить, но промолчала.

— Разбудишь меня через час. Ни минуты больше.

Она коснулась губами его щеки.

— Спи, не волнуйся. Мог и не говорить ничего. Ты все время твердишь: ни минуты больше.

Она гладила его руку, дрема подхватила его сознание.

Откуда у них эта потребность во сне?

Сосед Ивана, работник какого-то НИИ, который находился в той же группе, где Иван и Ева пережили Великий Холод, высказал предположение, что именно из-за длительного бездействия, ожидания и стресса у человека в организме произошли определенные изменения. Сколько длился Великий Холод, точно не знал никто. Не было ни весны, ни лета, одна бесконечная зима. Даже ночь не сменялась днем. Был лишь один способ бороться с этим — как можно больше спать.

Засыпая, Иван вздрагивал. Он снова переживал тот момент, когда однажды проснулся от сильного подземного толчка. Ева — она уже не спала — смотрела на него расширенными глазами и не могла говорить. Казалось, где-то глубоко под землей взорвали самую гигантскую

бомбу во Вселенной. Но разрушений не было, это казалось противоестественным.

Великий Холод пришел, когда первоначальная паника сходила на нет. Дальше небольшого шока и локальных беспорядков дело не пошло. Холод ударил внезапно, и все-таки какие-то часы — пока температуры не стали зашкаливать ниже всех мыслимых пределов — у людей были. Другой вопрос, что мало кто понимал, куда бежать, какое убежище надежней и как быстро его надо достичь, чтобы не оказаться отрезанным от последнего призрачного шанса.

Ивану и Еве повезло лишь потому, что они пошли на поводу у своих соседей. Те бежали к ближайшей станции метро, паника заразила Ивана и Еву. Так они оказались в числе спасенных, но кто знает, не лучше ли было умереть еще тогда?

Почему-то Ивану вспоминался и снился именно подземный толчок, бегство к метро при первом морозе посреди лета. Это был предел, разделивший Прежнюю Жизнь и нынешнее существование. То, что происходило в метро, превратилось во что-то смутное и неправдоподобное. Казалось, Иван слышал эту историю с чьих-то слов, историю неинтересную и потому плохо запомнившуюся. Сплошное ожидание и нервная, изматывающая дележка принесенных извне продуктов. К счастью, группа, где оказались Иван и Ева, избежала кровавых разборок. Мелкие стычки, без серьезных последствий, случались всего пару раз. Затем возникла еще одна проблема: они все чуть не умерли во сне. Каждый хотел спать, и они спали, спали, спали — так было легче, меньше хотелось есть, пить, меньше оставалось времени на раздумья и терзания. Вскоре они заснули все. Если бы не

случайность — разбитый спящим соседом нос, Иван не проснулся бы и не разбудил остальных. Дальше появилась еще одна причина для споров: дежурить одному или несколькими? Каждый хотел урвать себе лишние минуты сна, но как разделить дежурства поровну и проконтролировать, что все честно?

Когда появилась весть, что Холод ушел, и люди поднялись на поверхность, Иван и Ева прибились к новой группе. Ими двигала тщетная надежда, что где-то будет лучше, чем раньше. Вся их прежняя жизнь проходила под знаком принадлежности к какой-то группе, не так ли? Избавиться от этого оказалось непросто.

На поверхности были такие же растерянные люди, они наблюдали множество оттаивающих трупов и замерший технический мир. Без человеческого фактора все превратилось бы в ненужный хлам даже без последствий от низких температур. В новых условиях группы напоминали скорее стаи, беспредел явил себя быстро. Иван и Ева отбились от своей группы, едва не став жертвами. Окружающая действительность лишь подтверждала, что отныне по доброй воле люди не создадут сообществ, они разобьются на пары или мелкие группы. Сколько это продлится, неизвестно, но теперь никто и не планировал на годы или месяцы вперед.

Иван и Ева были вместе изначально. Молодожены, общие интересы, на мир смотрят одинаково, психологическая и сексуальная совместимость. Но любой из этих факторов давно превратился в набор слов, важным было лишь осознание факта, что поодиночке их ждет смерть. Все остальное — интересы и взгляды — превратилось в вещи, что остались в брошенной квартире. Они бы не помешали, но их нет, и лучше не терзаться, забыть о них навсегда.

Иван медлил, не желая оставлять Еву одну даже ненадолго.

Она выглядела такой незащищенной. Бодрствующая, она казалась девчонкой, которую легко обидеть. Худая, голенастая, небольшая грудь, удлинённый, неправильной формы подбородок, большие глаза. Волосы грязные — только ради этого надо устроить ей ванну в ближайшее время. Ее никак не назовешь шикарной, но для Ивана она была родная — это перевешивало многое другое. Кроме того, понятие женской красоты теперь стало иным.

Иван оглядел себя. Застиранные джинсы, старая клетчатая рубашка, доживающие свой век ботинки. Лица своего он не видел давно, но, судя по всему, последний год внешности его не улучшил. Чтобы меньше возиться с гигиеной, Ева брила ему волосы на голове и вполне серьезно планировала делать то же с собой. Пока Иван ее отговаривал, но с каждым разом все с большим трудом.

Он подходил к двери, когда Ева повернулась во сне, легла на спину, раскинув руки. Иван замер, вернулся, присел на корточки. Он потрогал ее живот. Он казался еще более выпуклым, чем раньше. Его уже можно рассмотреть под одеждой.

И как Иван не заметил этого до признания Евы?

Пять недель назад Ева впервые сказала, что вроде бы беременна. Вроде бы! Иван лишь усмехнулся. Во время Великого Холода пронесся слух, что дети больше не рождаются. Это казалось естественным — какие дети в такое время? Время шло, женщины не беременели. Маленьких детей уже не осталось. Выжившие выросли. И это не выглядело странным и зловещим катаклизмом. На кого рожать новое поколение? Кто стал бы родителем в здравом уме?

Когда спустя неделю Ева подтвердила собственный диагноз, признавшись, что месячных нет более трех месяцев, но она сама долго не верила в истинную причину, Иван не знал, радоваться ему или горевать. Он решил не заглядывать так далеко, постарался об этом забыть.

Но живот напоминал о себе. Иван погладил его, нехотя поднялся и вышел из здания. Он вытянул из-за пояса топор, перехватил поудобней. Далеко он не пойдет. Надо убедиться, что в нужном направлении тихо, безлюдно. Из города лучше уйти на рассвете. Если ночь застанет в пути к другому населенному пункту, есть риск стать жертвой собак. Неужто раньше они были друзьями человека? Сейчас собаки превратились в самодостаточную массу. Они размножились, чтобы пожирать самих себя. Если рядом не было иных существ. Именно из-за собак, не только из-за крыс, люди не могли оставаться на одном месте подолгу.

Вечером из города выходить нельзя. Надо найти новое пристанище. Менее приметное и простенькое. Можно устроить там склад консервов. На всякий случай. Они с Евой уже возвращались туда, откуда, казалось, уходили навсегда. Все, что нашлось в магазине, с собой не унесешь, и смысл оставить тайник с припасами есть.

Насколько все было бы проще, будь у них возможность осесть на одном месте! Не надо постоянно куда-то идти, можно сделать запасы продуктов и необходимых вещей, многие из которых не возьмешь с собой в путь. Но это нереально. Сидеть на одном месте еще опасней, чем куда-то идти. Собачьи стаи все чаще появляются в городах. Если они учуют человека даже в большом многоквартирном доме, можно не сомневаться — кольцо оцепления обеспечено. Не помогут ни разные выхо-

ды, ни этажи. Но даже не будь собак, не дадут жить крысы. Сначала появится одна, затем с десяток, а после, если человек по-прежнему будет находиться в этом месте, они полезут сотнями, обнаглев, не обращая внимания, что кто-то убивает их сородичей. Всех не убьешь, и каждая гадина рассчитывает на собственную удачу. Своих тоже можно жрать, если не перепадет с человеческого стола.

Иван шел медленно, часто останавливался, оглядываясь, прислушиваясь к тишине. Заходящее солнце грело ему спину. Он ориентировался, что они выйдут из города в восточном направлении. Значения это не имело, но всегда приятно начинать переход, когда солнце светит в лицо. Они постепенно шли из родных мест на юго-восток: день начинался с того, что они двигались навстречу солнцу, оно незаметно смещалось, и люди вместе с ним смещались в южную сторону. Ева однажды заметила, что ощущает эту странную потребность — как можно чаще подставлять лицо солнцу.

Подумав о Еве, Иван улыбнулся. Человек в силах привыкнуть к чему угодно. Вот и Иван привык. Сколько было раньше терзаний по мелочам в Прежней Жизни? Сейчас все страхи и тревоги направлены на то, чтобы выжить, чтобы Ева была сыта, достаточно поспала, чтобы ее не жгла та же тоска, что иногда не дает покоя Ивану. Страхи и тревоги растворяются в этой беготне наперегонки со смертью. Временами Ивану казалось, что все не так плохо, он никогда не забывал, что всегда может быть хуже. Когда ему довелось видеть, как падает в забытых шатун, чтобы вскоре умереть, Иван понял, что не имеет права жаловаться ни на что.

На широком перекрестке Иван задержался. Дальше он идти не собирался — помнил, что Ева спит и беззащит-

на. Пристанище нужно искать до этого перекрестка, чтобы недалеко носить консервы. Его внимание привлекло трехэтажное кирпичное здание. Похоже на супермаркет в Прежней Жизни. Облезлое, с дырявой крышей, но выглядит крепким, кое-где в окнах даже уцелели стекла! Там наверняка есть несколько выходов и масса мелких подсобных помещений. Можно оборудовать тайник, устроиться самим. Возможно, они с Евой уйдут не завтра, через день-два. Надо отдохнуть, пока есть возможность, никогда не знаешь, что ждет впереди. Собачьих следов нигде не видно, нет признаков присутствия банд, которые ищут рабов. В этом городе вообще минимум признаков того, в какую помойную яму превратился мир.

До возвращения нужно заглянуть в супермаркет. Иван повернулся, что-то на асфальте впереди привлекло его внимание. Он приблизился. Это был какой-то знак и надпись мелом, разобрать мешали многочисленные трещины на асфальте. Иван пригнулся.

Жирная неровная стрелка указывала в восточном направлении.

Рядом была надпись корявыми буквами: «ИДИ, ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ».

2

Необратимость

Грэг оскалился. Он наблюдал за этой парочкой с утра, но они никак не могли определиться с временным пристанищем. Они бродили по городу, время шло, и Грэг чувствовал, что сонливость стучится к нему все настойчивей.